

проблем самого СК, до настоящего времени отсутствует, хотя в принципе возможен. Это отсутствие обуславливается не столько какими-то фундаментальными причинами, включая ограниченность финансовых возможностей государства, сколько непониманием взаимных ожиданий. Государство ждет от СК роста ответственности в решении имеющихся социальных проблем, СК в принципе к этому готов, но ресурсы его недостаточны для того, чтобы принять на себя всю полноту такой ответственности. С другой стороны, СК ждет от государства более четких, прозрачных и устойчивых "правил игры" в социальной сфере, которые позволили бы ему повысить эффективность своего финансового участия. Прежде всего, в части долгосрочных вложений, а также повышения качества работы социальной инфраструктуры страны, и, особенно, гарантii соблюдения существующего в стране трудового и социального законодательства на фоне экономического роста за счет опережающего развития высокотехнологичных отраслей экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999.
Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.

© 2015 г.

Н.Е. ТИХОНОВА

ОСОБЕННОСТИ СТАТУСНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОТРЕБЛЕНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", главный научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: netichon@rambler.ru).

Аннотация. В статье на материалах общероссийских исследований ИС РАН рассматривается динамика среднего класса (СК). Показано, что российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса. Даны оценка возможностей и условий расширения СК в России. Показано, что численное доминирование в составе СК периферийных для него позиций обуславливается моделью российской экономики, где относительно низка доля позиций профессионалов, руководителей и предпринимателей. Продемонстрировано, что для российского СК характерны специфические слоевые идентичности, что позволяет говорить о начале формирования в нем классового сознания. Приводятся особенности образа жизни и потребления СК. Показано, что при сохранении значительного отрыва от остальных россиян за период с 2003 г. представители СК характеризовались в России худшой динамикой показателей. Наименее благополучным было положение ядра СК.

Ключевые слова: средний класс • средние слои • социальная структура • социальная стратификация • стили жизни • идентичности • потребительские стандарты • Россия

Вряд ли найдется в российской социологической литературе, посвященной стратификационной проблематике, проблема, вызывающая такой интерес, как средний класс [Средние классы..., 2003; Шкаратан, 2009; Авраамова, 2008; Беляева, 2007; Ки-

винен, 2004; Белановский, Дмитриев и др., 2010; Тихонова, Мареева, 2009 и др.]. И это естественно. С одной стороны, именно СК выполняет в современном обществе очень важные функции (поддержание социально-политической стабильности, обеспечение экономики высококвалифицированной рабочей силой и т.д.), а с другой – по сравнению с другими классами он даже в мире возник по историческим меркам сравнительно недавно, а в России говорить о нем как о социальном субъекте стало возможно только в конце прошлого века.

Возникновение массового СК связывается обычно с переходом в XX в. западных стран к позднеиндустриальному этапу развития, что привело к значительному расширению слоев населения, которые нельзя отнести ни к бедным, ни к богатым. Рост производства, его усложнение и укрупнение требовали все большего количества квалифицированных работников, в том числе и такой новой массовой категории как менеджеры. Развитие систем образования и здравоохранения привело к росту численности врачей, учителей и т.п. Способствовало расширению среднего класса и развитие сферы разнообразных услуг, значительная часть которых предполагала наличие у оказывающих их высокой квалификации. Кроме того, с 1930-х гг. в США, а с 1950-х гг. и в Западной Европе изменилась модель государственной социально-экономической политики, и приоритеты последней сместились от борьбы с бедностью в сторону поддержки СК.

Вследствие этих объективных процессов (а не просто общего роста благосостояния) в послевоенной Европе численность среднего и рабочего классов стала сначала сопоставима, а затем, под влиянием продолжающейся структурной перестройки экономики и активной социальной политики, и превзошла его. Представители этого нового класса, получающего доходы не только на свой труд, но и на ранее произведенные инвестиции (инкорпорированные – как в случае человеческого капитала, характеризующего менеджеров, профессионалов, полу专业人士 и наиболее квалифицированных клерков, или существующие в виде более традиционных видов капитала (бизнес, акции, финансовые средства и т.д.) – как у представителей “старого” среднего класса), сами ощущали “особенность” своего положения в обществе и характеризовались поэтому спецификой их самоидентификации.

Посмотрим с учетом вышесказанного на место СК в социальной структуре России¹ и начнем с ощущения россиянами вообще и “объективным” СК в частности своего места в обществе². Для анализа этой проблемы используются обычно два теста – графический и вербальный. Использованная версия графического теста на идентификацию респондентами своего положения в обществе представляет собой вертикальную десятибалльную шкалу социальных статусов (“десятиступенчатая социальная лестница”), на которой респондент должен указать своё место. Этот графический тест успешно используется во многих международных исследованиях, в частности ISSP³, и позволяет не только построить характерные для каждого общества модели субъективной социальной структуры, но и сравнивать их друг с другом.

Модель социальной структуры современного российского общества. Модель субъективной социальной структуры России⁴ сильно вытянута по вертикали, при

¹ В статье использованы данные общероссийских опросов Института комплексных социальных исследований РАН и Института социологии РАН 2000–2014 гг. (под рук. М.К. Горшкова) [Россия..., 2004; Бедность и бедные..., 2014; Тихонова, 2014].

² Описание методологии, использованной для выделения СК, см. в статье М.К. Горшкова в этом же номере журнала (35–44). Описание выборки исследования “Средний класс в современной России...” (2014) дано там же (с. 36).

³ International Social Survey Programme (ISSP) – ежегодная международная программа исследований, охватывающих темы, важные для социальных наук. Год от года тема исследования меняется, но раз в 5–8 лет в рамках этой программы проводятся опросы, посвящённые проблематике социальной структуры (подробнее см.: <http://www.issp.org>). В статье использованы данные волны ISSP-2009.

⁴ Модель строилась следующим образом: по оси ординат (поскольку статусные позиции вертикально ориентированы) откладывались процентные значения числа выбравших соответствующий балл, а затем, для придания фигуре симметрии, они зеркально откладывались в область отрицательных значений. Для сохранения пропорций модель была после этого “ужата” по оси абсцисс вдвое.

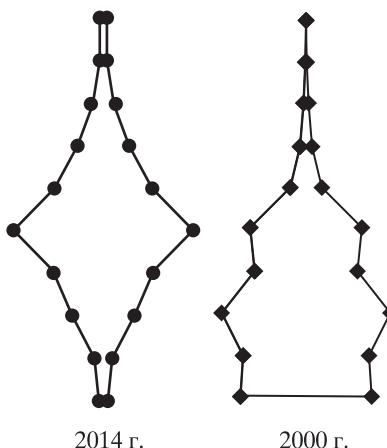

Рис. 1. Модель социальной структуры России на основе самооценок россиянами своего места в обществе, 2014 и 2000 гг.

Примечание. Численные значения, использовавшиеся для построения модели в 2014 г. (в скобках – данные 2000 г.), в %:

10 (высшая) – 1,4 (0,2) позиция	5 позиция – 31,5 (16,1) 4 позиция – 18,0 (14,8)
9 позиция – 1,3 (0,1)	3 позиция – 11,4 (24,4)
8 позиция – 4,5 (0,7)	2 позиция – 3,6 (18,2)
7 позиция – 9,2 (1,8)	1 (низшая) – 1,6 (19,6)
6 позиция – 17,5 (4,1)	позиция

этом основная часть населения концентрируется на средних позициях, а наиболее популярной является 5-я снизу позиция (она же является и медианной; средний балл социального статуса по населению страны в целом составляет 5,18) (рис. 1). В начале “путинской эпохи”, в 2000-м г., эта модель выглядела существенно иначе – тогда на нижних “ступенях социальной лестницы” “толпилось” достаточно много людей, считающих себя социальными аутсайдерами, самой массовой была третья снизу позиция, а на позициях от 6 и выше поместили себя считанные проценты россиян (рис. 1).

Таким образом, в самопозиционировании россиянами своего места в обществе за 2000–2014 гг. произошли поистине кардинальные изменения – большинство их перестало считать себя социальными аутсайдерами, а само **российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса**. Нельзя ли в таком случае рассматривать российское общество как общество массового СК, ведь две трети в нем ставят себя на срединные 4–6 позиции? К сожалению, нет, потому что модель социальной структуры обществ, относящихся к обществам массового СК, выглядит иначе. Если рассмотреть субъективную социальную структуру этих обществ на примере Германии, то для нее характерна концентрация наибольшей доли граждан на 6, а не 5-й снизу позиции, а главное – средний балл самооценки своего социального статуса заметно выше, чем характерные для современной России 5,18 баллов.

Разница в моделях субъективной социальной структуры России и Германии, отражает различия в их объективной социальной структуре и обусловлена различиями в развитии экономик, **особенностях занятости** и уровне благосостояния их граждан, а следовательно – и самоощущении ими своего места в обществе. Так, если в Великобритании в первичном (сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство, добывающие отрасли и т.д.) и вторичном (промышленность, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды) секторе экономики занято всего 24%, а в Германии – 36% работающего населения, то в России в этих секторах занято 44%. При этом в четвертичном секторе экономики (информационные технологии, научные исследования, финансовые услуги и т.п.) в России занято всего 26% работающих при 36% в Германии и 38% – в Великобритании⁵. Но именно занятость в четвертичном секторе экономики наиболее характерна в условиях современного мира для занятости СК в целом и его ядра⁶ в особенности. Если говорить о России, то ядро СК почти на 60% концентрируется именно в четвертичном секторе (рис. 2). Еще ярче эта тенден-

⁵ Данные по Германии и Великобритании приведены по Европейскому социальному исследованию (ESS – European Social Survey) за 2012 год (информацию об этом исследовании подробнее см.: <http://www.europeansocialsurvey.org>). Данные по России рассчитаны на основе официальной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud10.xls).

⁶ Под ядром СК в исследовании подразумевались имеющие высшее образование россияне, занятые в экономике на позициях руководителей, профессионалов и предпринимателей.

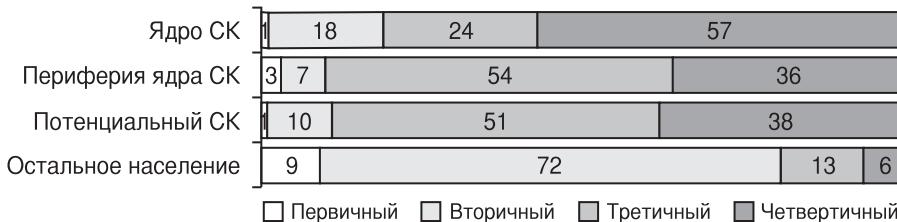

Рис. 2. Занятость в России различных групп населения по секторам экономики, 2014 г., % от работающих

ция выражена в развитых странах – например, в Германии до 70% профессионалов занято именно в отраслях четвертичного сектора экономики.

Различия в посекторальной занятости СК и населения в целом в России и в развитых странах отражают тот факт, что *российское общество находится сейчас в другой исторической эпохе, нежели ведущие страны Запада, а именно в эпохе позднеиндустриального развития*. С одной стороны, это именно та эпоха, для которой, как показывает исторический опыт, характерен быстрый рост среднего класса и превращение его в доминирующую в обществе социальную силу. Но, с другой стороны, в составе СК на этом этапе относительно велика доля полупрофессионалов, клерков, служащих и других представителей среднеквалифицированных “белых воротничков”, и относительно ниже, чем это характерно для обществ с доминированием четвертичного сектора экономики, доля профессионалов. *Обе эти тенденции (как общего роста СК, так и увеличения в его составе относительно более быстрыми темпами группы среднеквалифицированных работников нефизического труда) фиксируются и при рассмотрении профессионального портрета СК в России, причем со временем обе они усиливаются* (табл. 1).

Основу ядра СК России составляют профессионалы (см. табл. 1). Кроме того, основная масса входивших в 2003 г. в состав периферии ядра СК руководителей и профессионалов к настоящему времени перешла в ядро СК, где по своему профессиональному статусу и должна находиться. Это произошло, прежде всего, за счет повышения их благосостояния и сопутствующего ему формирования идентичностей средних слоев вместо идентичностей социальных аутсайдеров. В результате ядро СК и его периферия стали более гомогенными по своему профессиональному составу, чем в начале 2000-х гг.

Отчасти затронул эти тенденции и потенциальный СК, куда, в отличие от ситуации 11-летней давности, входят теперь уже не профессионалы и руководители бюджетных отраслей (перешедшие за это время в основном в состав СК), а другие работники нефизического труда, с относительно более низким качеством человеческого и культурного капитала⁷, чем у представителей тех же профессиональных групп в составе СК. Тем не менее, почти 30% в потенциальном СК составляют работники, которые по своему профессиональному статусу могли бы попасть в состав СК при лучшем материальном положении и во многом связанным с ним ощущением своего места в обществе.

С точки зрения **возможностей расширения российского среднего класса** это означает, что при устраниении необоснованных отраслевых, региональных, поселенческих и т.п. диспропорций в оплате труда высококвалифицированных специалистов, а также при дальнейшем совершенствовании социальной политики в состав СК может

⁷ Все профессиональные группы (за исключением профессионалов, т.е. специалистов, работающих на должностях, предполагающих высшее образование) в составе потенциального СК имеют более низкий образовательный уровень, чем те же группы в СК. Кроме того, представители потенциального СК имеют обычно также заметно худший культурный капитал, чем представители периферии ядра СК, за счет первичной социализации в другой среде (сельская местность, низкий образовательный уровень родительской семьи).

Таблица 1

Динамика профессионального портрета различных групп населения, 2003 и 2014 гг.
(в % от работающих)

Профессиональные группы	Средний класс, , в т.ч.:				Потенциальный СК		Остальное население	
	Ядро СК		Периферия ядра СК					
	2003	2014	2003	2014	2003	2014	2003	2014
Руководители всех уровней, предприниматели и самозанятые	34	20	29	12	18	7	1	1
Специалисты, работа которых предполагает использование высшего образования	67	80	24	5	45	22	2	1
Прочие работники нефизического труда (полупрофессионалы, клерки, рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания)	0	0	47	83	37	71	8	8
Рабочие	0	0	0	0	0	0	90	90

Примечание. Жирным шрифтом выделены позиции, наиболее типичные для соответствующих групп.

войти дополнительно 2–3% населения. Ещё на 5–6% СК мог бы увеличиться при более глубокой дифференциации пенсий за счёт пенсионеров с высоким образовательным уровнем, которые по прошлому социальному статусу и на пенсии должны были бы относиться к среднему классу, живи они в другой стране. Тем не менее, *максимальный ресурс расширения СК даже при самых благополучных условиях составляет сегодня в России не более 10% населения*.

Почему речь идет о 10%, хотя, на первый взгляд, ресурс расширения СК насчитывает 19%, составляющих потенциальный СК? Дело в том, что часть работников нефизического труда заведомо относится не к среднему, а к низшему классу в силу особенностей их занятости (например, приемщица прачечной). В основе их классовой принадлежности лежит низкое качество человеческого капитала, не позволяющего получать на него дополнительные доходы – речь при их занятости идет лишь об оплате простой физической способности к труду, как и у неквалифицированных рабочих. Учитывая низкий уровень образования значительной части не входящих в СК лиц нефизического труда, понятно, что в СК они не только входят сейчас, но и в будущем не войдут. Это и позволяет утверждать, что *максимально возможная даже теоретически численность СК при нынешнем уровне развития и отраслевой структуре экономики России составляет порядка половины населения*. Это, конечно, не *“общество двух третей”*, как в развитых странах, но *общество достаточно массового СК*.

Однако основная **специфика места СК в социальной структуре общества** в России по отношению к ситуации со СК в западных странах заключается не в относительно меньшей его численности. Она связана с упоминавшейся низкой долей представителей СК, занятых в четвертичном секторе экономики, и растущей долей в российском СК периферийных для него в современных западных странах профессиональных статусов. Для сравнения – если доля специалистов средней квалификации выросла в России с 2002 по 2012 гг. с 17 до 19% то в Германии она сократилась за это время с 21 до 19%, в Великобритании – с 12 до 11%⁸ и т.д. В итоге, *если в наиболее развитых странах эволюция СК идет по линии его поляризации, то есть увеличения*

⁸ Данные ESS за 2012 г.

в нем доли занятых на рабочих местах как низкой, так и высокой квалификации с сокращением средних позиций, то российский СК прирастает прежде всего среднеквалифицированной рабочей силой, занятой рутинным нефизическим трудом. И в этом отношении ситуация с российским СК напоминает процессы, характерны для Германии или Великобритании 50 лет назад.

Это не означает, однако, что развитие российского СК пойдет дальше тем же путем, как на Западе. Скорее можно ожидать обратного. Это связано с рентоориентированным характером российской экономики, в которой крайне мало создается рабочих мест, предполагающих высококвалифицированный нефизический труд. Лишь положительная внешнеэкономическая конъюнктура, связанная с высокими ценами на энергоносители, создавая экономический рост, позволяет обеспечивать повышение средней заработной платы по стране и общий рост численности СК. Происходит это во многом в силу действия перераспределительных, а не рыночных механизмов, а значит, при любых кризисных явлениях в экономике можно ожидать резкого сокращения в России СК. Фундаментальное расширение СК и его устойчивый рост возможны только при завершении в России позднеиндустриального этапа развития и переходе к постиндустриальной его модели, то есть формирования "экономики знаний".

Однако не стоит преуменьшать достижения России в плане роста в последние годы численности "объективного" СК и заметного расширения доли населения, относящего себя к средним слоям, т.е. роста "субъективного" СК. До трех четвертей населения России идентифицируют себя сейчас в тесте на вербальную идентификацию своего места в обществе со средними слоями (в т.ч. 5% – с верхним средним слоем, 40% – с собственно средним слоем, 28% – с нижним средним слоем). В СК этот показатель доходит до 94%, причем около 60% его представителей идентифицируют себя с собственно средними слоями (табл. 2).

Таблица 2
Особенности слоевых идентичностей различных групп населения, 2014 г.
(в % опрошенных)

Идентификация своего места в вертикальной структуре общества	Средний класс, в т.ч.			Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК	СК в целом		
Верхний средний слой	17	8	13	1	1
Средний слой	65	59	62	32	25
Нижняя часть среднего слоя	16	25	20	38	27
Рабочие	2	8	⁵ ⁹	22	37
Низший слой	0	0	0	7	10

Примечание. Жирным шрифтом выделены позиции, наиболее типичные для соответствующих групп.

Что касается не входящих в состав СК россиян, то по ним картина иная – среди представителей потенциального СК наиболее массовой является группа, ощащающая себя представителями нижней части СК, а группа "остальное население" относительно чаще идентифицирует себя как представителей рабочего класса. Это позволяет говорить о том, что для российского СК характерны специфические слоевые идентичности.

Каковы в глазах россиян критерии социального статуса? Что определяет отношение ими себя к той или иной статусной позиции? И россияне в целом, и представители СК примерно в двух третях случаев говорят о том, что при определении своего

⁹ Идентичность "рабочие" среди представителей СК характеризовала прежде всего предпринимателей, чья деятельность была связана с физическим трудом и носила характер самозанятости или семейного бизнеса (например, автосервис).

статуса в обществе они основываются, прежде всего, **на уровне своего благосостояния**. Естественно, при такой роли благосостояния рост доходов, характерный в период 2000-х гг., хотя и в разной мере, для всех слоев населения, привел к резкому улучшению самооценок россиянами своего места в обществе. Сегодня довольны своим социальным статусом (т.е. оценивают ситуацию с ним как хорошую) 33% всех россиян, а однозначно недовольны им лишь 6% (остальные оценивают ситуацию как удовлетворительную). В 2003 г. соответствующие показатели составляли 18 и 15%. Однако материальное положение – не единственный критерий, которым население руководствуется в этом случае. Сопоставим с ним по значимости такой критерий как “образ жизни” (57%), и роль его достаточно быстро растет (в 2003 г. о нем как критерии оценки своего социального статуса говорили 48%). Роль образа жизни в определении россиянами собственного статуса означает, что в ближайшее время демонстративное потребление, свидетельствующее о возможности поддерживать определенный образ жизни, будет только нарастать, и экономить на нем россияне не будут.

В этой связи надо сказать о такой важнейшей стороне образа жизни российского СК как особенности его потребления, также отражающие специфику его места в социальной структуре российского общества. В этой связи следует отметить: преимущества СК в его жизненных шансах по отношению к другим группам населения не сводятся только к потреблению. В отличие от остальных россиян, СК (и особенно ядро этого класса) характеризуется гораздо более широкими возможностями что-то изменить к лучшему в своей жизни (рис. 3), хотя улучшения в потребительской сфере являются важнейшими среди этих преимуществ.

Рис. 3. Доля сумевших достичь в течение 3-х лет перед опросом тех или иных значимых улучшений своей жизни в различных группах населения, 2014 г. (в %, данные по улучшившим свою производственную ситуацию и повысившим квалификацию приводятся в % от работающих представителей соответствующих групп)

Стоит отметить, что, хотя СК и сегодня выглядит гораздо успешным по сравнению с другими группами населения, динамика его достижений за последнее десятилетие выглядит неутешительно. Так, в 2003 г. тех, кто говорил, что ему не удалось добиться ничего из перечисленного на рис. 3, лишь каждый пятый (21%) представитель СК – при 29% в 2014 г. В потенциальном СК этот показатель также сократился и составил в феврале 2014 г. 64%, тогда как одиннадцатью годами ранее он составлял 52%. Аналогична и картина по остальному населению страны, хотя различия здесь минимальны, – не удалось добиться ничего существенного за три года перед опросом 73% респондентов в 2014 г. и 66% в 2003 г. Таким образом, относительное ухудшение положения в этой области (отмечаемое и по другим группам населения), в наибольшей степени характерно именно для СК. В нем число тех, кто

не смог добиться никаких значимых изменений в жизни, выросло за период с 2003 г. в 1,38 раза, в то время как в потенциальном СК и остальном населении – в 1,23 и 1,11 раз соответственно.

Кроме того, в СК заметно сократилась доля тех, кто смог повысить уровень своего образования или квалификации, а также улучшить ситуацию у себя на работе. Все показатели, связанные с социальной мобильностью и “социальными лифтами”, сократились за последние 11 лет в СК более, чем в 2 раза (см. табл. 3). Втрое сократилось число тех, кто смог открыть собственное дело, получить повышение на работе или найти более подходящую работу, в 2,4 раза – число тех, кто повысил качество своего человеческого капитала. При этом ядро СК пострадало сильнее, чем остальные представители СК – доля тех, кому не удалось реализовать ничего из списка достижений, увеличилось в нем за этот период с 7 до 22%.

Эти тенденции весьма неблагоприятно сказываются на развитии российского общества, поскольку не только свидетельствуют о закрытии в последние годы “социальных лифтов” и соответствующем росте напряжённости в обществе, но и отражают падение качества человеческого потенциала страны.

Не останавливаясь подробнее на проблеме жизненных шансов российского СК и других социальных групп, зафиксирую лишь, что специфика их проявляется практически по всем вопросам (табл. 4).

Таблица 3

Динамика достижений среднего класса за три года перед опросом, 2003 и 2014 гг.
(в % опрошенных)

Чего удалось добиться	2003	2014
Повысить уровень своего материального положения	42	33
Сделать дорогостоящие приобретения	28	21
Повысить уровень образования, квалификации	36	15
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	31	10
Улучшить жилищные условия	23	18
Побывать в другой стране мира	10	26
Открыть собственное дело	9	3
Ничего из вышеперечисленного добиться не удалось	21	29

Примечание. Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, которые за прошедшие 11 лет сократились в 2 и более раз, а курсивом и фоном – показатель с положительной динамикой.

Таблица 4

Особенности жизненных шансов в сфере потребления у различных групп населения, 2014 г.
(в % опрошенных)

Жизненные шансы и специфика потребления	Средний класс	Потенциальный СК	Остальное население
Хорошее питание (самооценка)	66	33	31
Хорошая ситуация с одеждой (самооценка)	55	24	20
Хорошие жилищные условия (самооценка)	53	32	26
Наличие земли, гаража, второго жилья, дачи, садового участка с домом или без, в т.ч.:	59	45	45
– 2-х и более из этих объектов недвижимости	22	11	9
Наличие автомобиля, в т.ч.:	74	42	43
– иномарки	54	20	17
Наличие сбережений, в т.ч.:	46	30	20
– позволяющих прожить на них не менее года	19	8	3

Примечание. Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, характеризующие более половины соответствующей группы.

Это именно специфика классовых позиций, а не различий в уровне материально-го благосостояния. Так, например, лишь 33% представителей СК с доходом от 1 до 1,5 медиан дохода в их типах поселений не добились никаких достижений. В то же время по потенциальному СК этот показатель составил в группе с таким же уровнем дохода 58%, а по остальному населению – 69%. Это весомый довод, вынуждающий говорить о СК и средних слоях применительно к условиям России, как о двух разных группах, представляющих собой пересекающиеся множества. И хотя СК входит в средние слои, но последние ощущают шире.

Столь же разительно различаются у СК и других социальных групп показатели по другим параметрам их текущего потребления. Исключение лишь наличие сбережений – о них и в СК говорит меньшинство. Впрочем, если вести речь не обо всем СК, а только о его ядре, картина существенно изменится. В этом случае говорить о наличии сбережений можно уже применительно к большинству группы (54%), причем каждый четвертый в ядре СК имеет крупные сбережения, позволяющие прожить на них не менее года. Периферия ядра СК отличается в этом отношении достаточно существенно – сбережения в ней имеют 38%; о наличии крупных сбережений говорит лишь каждый седьмой.

Итак, российский СК имеет явно лучшие жизненные шансы, чем остальные россияне, и в наибольшей степени это характерно для его ядра. Однако позитивные изменения в жизни СК сосредоточены лишь в сфере потребления, да и там их рост шел в последнее десятилетие медленнее, чем у остальных россиян. При этом различия между двумя подгруппами, составляющими российский СК, хотя и просматриваются, но все же меньше, чем разница между периферией ядра СК и остальными россиянами. В этом плане можно говорить скорее о сходстве двух подгрупп СК на фоне остального населения России, чем о разнице между ними, и это один из важных доводов в пользу того, что они составляют сегодня в России единый класс.

Рассмотрим теперь некоторые показатели потребления российского СК и остальных россиян более детально. Обратимся к **показателю текущего дохода**: среднедушевые ежемесячные доходы в семье, принадлежащей к СК, составляли весной 2014 г. около \$16 в день (без учета паритета покупательной способности рубля и доллара США) (см. табл. 5). Это больше, чем та граница доходов (\$10 с учетом ППС), которую обычно устанавливают экономисты, выделяя СК в развивающихся странах [Birdsall, Lustig, Meyer, 2014]. Более того – доходы выше этой границы имели свыше 95% выделенного нами “объективного” СК.

Таблица 5
Среднемесячные доходы в расчете на одного члена семьи в различных группах населения, 2014 г.
(в рублях)

Доход, руб.	Средний класс, в т.ч.:		Потенциальный СК	Остальное население
	Ядро СК	Периферия ядра СК		
Ежемесячный среднедушевой	23918	16694	11660	12064
Ежемесячный медианный	20000	15000	10000	10000

Если говорить о динамике в этой области за последние 10 лет, можно зафиксировать: среднедушевые доходы массовых слоев населения, судя по данным социологических исследований, выросли в среднем с 2003 по 2014 г. в номинальном выражении, т.е. без учета инфляции, в 4,7 раза; в СК они выросли заметно меньше – в 4,1 раза в ядре СК, в 4,3 раза в его периферии, в 4,6 раза в потенциальном СК, и в 5,3 раза у остального населения). То есть, как и в случае с возможностями добиться значимых улучшений в жизни, СК находился в отношении роста своих доходов в последние годы в относительно худшем положении.

Рассмотрим различные виды **недвижимости**, находящейся в собственности представителей СК, и динамику их обеспеченности недвижимостью за последние несколько лет. Большинство семей СК имеют в собственности не только квартиру или дом, но и другие виды недвижимости (рис. 4). Добавлю, почти две трети имеющих “дженетельменский набор”, соответствующий традиционной формуле благополучия советского времени (квартира, дача, машина), составляют представители СК. У остальных россиян они встречаются реже.

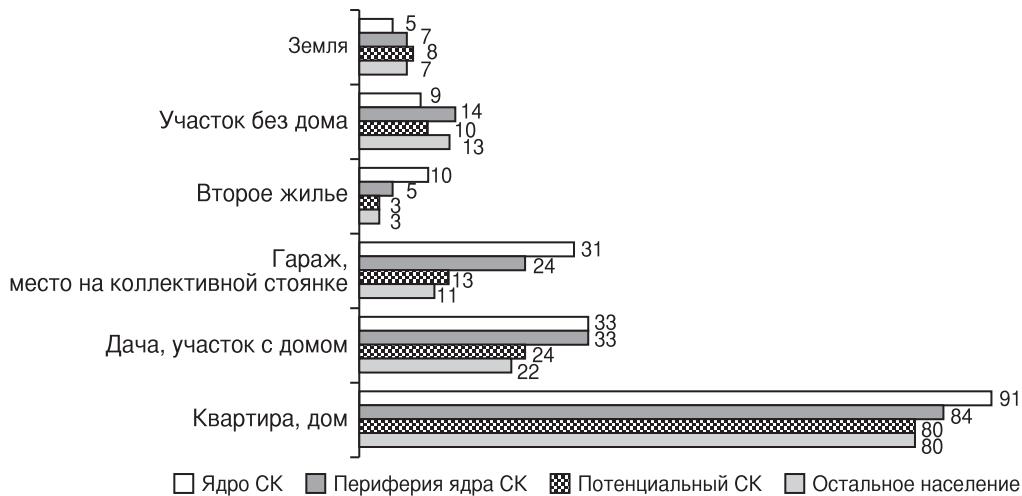

Рис. 4. Недвижимость, находящаяся в собственности различных групп населения, 2014 г. (в %)

Гораздо ярче заметны отличия СК от остальных россиян, если рассмотреть ситуацию с **товарами длительного пользования** (ТДП), находящимися в распоряжении СК и других групп населения. Стандартный набор имущества в домохозяйстве типичного россиянина сегодня включает цветной телевизор (причём не только обычный, но и жидкокристаллический или плазменный), холодильник, пылесос, мобильный телефон, стиральную машину, разнообразную мелкую кухонную технику, компьютер, а также автомобиль, который имеют 54% домохозяйств страны, причем часть семей имеет по 2 автомобиля. Однако наличие автомобиля в домохозяйстве стало нормой пока только для представителей СК. Особенность стиля потребления представителей СК в том, что имеющиеся у них автомобили, как правило, иномарки. В периферии ядра СК их также можно встретить чаще, чем отечественные автомобили. Это заметно отличает представителей российского СК от остальных россиян из числа имеющих автомобили, которым доступнее автомобили отечественных марок.

Важным отличием стандарта жизни СК в отношении его оснащенности домашним имуществом является огромный (в 2,5 раза) отрыв от остальных россиян в обеспеченности цифровой видеотехникой, айпадами, планшетами, айфонами и т.п. – отрыв, отражающий качественную разницу в степени вовлеченности этих групп в информационные технологии. Причем эта тенденция сохраняется даже среди 51–60-летних в СК: они имеют такого рода технику в 2,5 раза чаще, чем в этой же возрастной группе остальных россиян. В 2008 г. разрыв в 2,5 раза характеризовал ситуацию с наличием в их домохозяйствах компьютера. Теперь же во всех группах населения компьютер имеет более половины домохозяйств (табл. 6). Учитывая любовь россиян к сложным техническим устройствам, особенно нестационарным, можно ожидать дальнейшего роста оснащенности их домохозяйств также цифровой видеотехникой и, особенно, айпадами, айфонами и т.п. и постепенного сокращения разрыва между представителями СК и остальными россиянами в этом отношении.

Некоторые итоги. Для российского СК характерны специфические слоевые идентичности. В подавляющем большинстве своём его представители идентифицируют себя как представителей средних слоев, причем это практически не зависит от степени их благосостояния. В то же время эти идентичности не являются доминирующими среди остальных россиян. Более того – изменения слоевых идентичностей СК, особенно его ядра, и остальных россиян подчиняются разным закономерностям. В СК низкий уровень текущих доходов или временное понижение статуса обычно не влекут за собой изменений слоевой идентичности. Это позволяет характеризовать специфические слоевые идентичности СК как признаки начала формирования в нем классового сознания. У остальных россиян изменение их материального положения обуславливает достаточно быстрое изменение их слоевой идентичности.

Ощущение специфики своего социального статуса во многом основывается для СК на особенностях его образа жизни, связанных с особенностями потребления. Главное отличие СК от остальных россиян в этой области – возможность для большинства СК так называемого “стилевого потребления”, в то время как остальные россияне этих возможностей не имеют. При этом стандарты жизни обеих подгрупп среднего класса практически совпадают. И в ядре СК, и в периферии этого ядра большинство домохозяйств имеют набор ТДП, не просто обеспечивающий качество и разнообразие их досуга, но и делающий СК основным потребителем на большинстве товарных рынков. Фактически сегодня только СК может позволить себе приобретать из числа ТДП что-то сверх необходимого, и его приоритеты в этой области очевидны – это сложная техника для дома и товары, связанные с цифровыми технологиями.

При сохранении значительного отрыва СК от остальных россиян и в уровне доходов, и в обеспеченности имуществом, и в возможностях улучшить свою жизнь, за период с 2003 г. представители российского СК характеризовались относительно худшей динамикой соответствующих показателей, чем остальные россияне. При этом наименее благополучным, если рассматривать его в динамике, было положение ядра СК, и хуже всего выглядела ситуация с “социальными лифтами”, от закрытия которых в последние 10 лет в наибольшей степени пострадали именно представители данной группы. Это связано с консервацией рентоориентированного характера российской экономики и соответствующей ему структуры занятости. Без структурной перестройки экономики и ухода от сырьевой зависимости найти успешное решение задач роста численности российского СК и повышения его благосостояния невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авраамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 28–36.
- Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2014.
- Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. Средний класс в рентоориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией? // “SPERO”. № 13. осень–зима 2010. С. 68–85.
- Беляева Л.А. И вновь о среднем классе России // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 3–13.
- Кивинен М. Средний класс в современной России // Мир России. 2004. Т. 13. № 4. С. 143–170.
- Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? / Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. № 5. М., 2008.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теории и реальность. М., 2009.
- Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004.
- Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М., 2003.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.
- Шкараташ О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
- Birdsall N., Lustig N., Meyer Ch. J. The Strugglers: The New Poor in Latin America? // World Development. 2014. Vol. 60. P. 132–36.